

**БРОУГАН (BROGAN) и другие
против СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА**

Судебное решение от 29 ноября 1988 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

Заявители — Теренс Броуган 1961 г. рождения, Дермот Койл, Уильям Макфадден 1953 г. рождения и Майкл Трейси 1962 г. рождения, граждане Великобритании, постоянно проживающие в Северной Ирландии.

Они были арестованы осенью 1984 г. в соответствии со статьей 12 Закона о предотвращении терроризма (временные меры) 1984 г. по обоснованному подозрению в их причастности к совершению террористических актов, их подготовке и подстрекательству к ним в Северной Ирландии. В Законе 1984 г. “терроризм” определен как “применение насилия в политических целях”, в том числе “применение насилия в целях устрашения населения или какой-то его части”. Первоначальный, юридически допустимый 48-часовой срок задержания каждого из упомянутых лиц был продлен до пяти дней решением Государственного секретаря по делам Северной Ирландии. Заявители подверглись задержанию на следующие сроки: пять дней и одиннадцать часов, шесть дней и шестнадцать с половиной часов, четыре дня и шесть часов, четыре дня и одиннадцать часов соответственно. Все четверо были допрошены в отношении конкретных террористических действий, но обвинение никому не было предъявлено и никто не предстал перед судебным органом до освобождения из-под стражи.

Чрезвычайная ситуация, сложившаяся в Северной Ирландии в 70-е годы, и активность террористов стали причиной принятия в 1974 г. первых законодательных актов, предоставляющих исключительные анти-террористические полномочия, на основании которых и были арестованы и заключены под стражу заявители. С момента введения в действие этих актов Парламент Соединенного Королевства постоянно подтверждал необходимость продления срока их действия. Предложение о том, чтобы решение о продлении сроков задержания принималось судами, было отклонено, в частности, по той причине, что информация, обосновывающая принятие таких мер, строго конфиденциальна и не может раскрываться задержанным лицам или их адвокатам.

***В. Разбирательство в Комиссии
по правам человека***

В четырех жалобах, поданных в Комиссию в период с октября 1984 г. по февраль 1985 г., заявители утверждали, что их арест и задержание явились нарушением статьи 5, п. 1 Конвенции, что были также нарушены статья 5, п. 3, 4, 5 статья 13. Комиссия объединила жалобы в одно производство 10 июля 1986 г. и на следующий день объявила о принятии их к рассмотрению.

В своем докладе от 14 мая 1987 г. Комиссия пришла к выводу, что нарушение статьи 5 п. 3 и 5 имело место в отношении г-на Броугана и г-на Койла (десятью голосами против двух по п. 3 и девятью против трех по п. 5) и что нарушения не было в отношении г-на Макфаддена и г-на Трейси (восемью голосами против четырех по обоим пунктам), что не было нарушения статьи 5 п. 1, 4 (единогласно по п. 1 и десятью голосами против двух по п. 4) и, что не существует самостоятельного вопроса по статье 13 (единогласно).

Дело передано в Суд Комиссией 15 июля 1987 г. и Правительством Соединенного Королевства — 3 августа 1987 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ**ВОПРОСЫ ПРАВА****I. О предмете спора**

45. В первоначально представленных в Комиссию жалобах заявители утверждали о нарушении статьи 5 п. 2, в которой гласит:

“Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение”.

Однако впоследствии они отозвали эту жалобу, и Комиссия в своем решении о приемлемости дела отметила, что заявители больше к ней не возвращались.

В письме, поданном в секретариат 17 мая 1988 г., заявители запросили разрешение Суда на возобновление данной жалобы. В своих устных заявлениях как Правительство-ответчик, так и Комиссия высказали возражение по поводу этой просьбы.

46. Суд напомнил, что его компетенцию по делу предопределена решением Комиссии о приемлемости жалобы (см., в частности, решение от 32 марта 1987 г. по делу Уикс. Серия А, т. 114, с. 21, п. 37). Суд считает необходимым принять во внимание, что жалоба по п. 2 была отозвана в прямо выраженной форме. В результате Комиссия прекратила рассмотрение вопроса о приемлемости этой жалобы. Согласие с заявителями относительно восстановления данной жалобы в Суде означало бы отход от порядка рассмотрения жалоб, установленного Конвенцией.

47. Соответственно, жалоба о нарушении статьи 5 п. 2 не может быть принята к рассмотрению.

II. Общая перспектива

48. Правительство неоднократно указывало на существование особенно сложной ситуации в Северной Ирландии вследствие угрозы организованного терроризма. Суд, принимая во внимание рост терроризма в современном обществе, уже признавал вытекающую из Конвенции необходимость надлежащего равновесия между защитой в общих интересах институтов демократии и обеспечением прав личности (см. решение по делу *Класс и другие* от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 23 и 27—28, п. 48—49, 59).

Правительство 22 августа 1984 г. информировало Генерального секретаря Совета Европы о том, что оно отзывает сделанное ранее в соответствии со статьей 15 уведомление об отступлении от Конвенции, вследствие чрезвычайной обстановкой в Северной Ирландии (см. об отступлении Yearbook of the Convention, v. 14, p. 32 [1971], v. 16, p. 26—28 [1973], v. 18, p. 18 [1975] и v. 21, с. 22 [1978]; о отзыве Information Bulletin on Legal Activities within the Council of Europe and in Member States, v. 21, p. 2 [июль 1985]). Правительство, соответственно, указало, что, по его мнению, “статьи Конвенции полностью применимы” и, соответственно, отступление не относится к юридическим обстоятельствам данного дела.

Таким образом, сейчас нет оснований рассматривать вопрос о допустимости, в соответствии со статьей 15, отступления Соединенного Королевства от обязательств по Конвенции в связи с террористическими действиями в Северной Ирландии. К делу следует подходить, основываясь на идее, что все статьи Конвенции, на которые ссылаются заявители, действуют в комплексе. Суд призвал оценить важность данного дела в свете статьи 5, установить были в обстоятельствах данного дела должным образом соблюдены все входящие в нее нормы и статьи в целом в свете ее предмета и глобальных целей.

III. О предполагаемом нарушении статьи 5, п. 1

49. Заявители утверждали, что была нарушена статья 5 п. 1, которая предусматривает:

“Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(с) законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения...”

В свете действовавшего в Северной Ирландии права средств и задержание заявителя была “незаконными действиями” и этого никто не оспаривал. Однако заявители утверждали, что лишение их свободы на основании статьи 12 Закона 1984 г. не соответствует статье 5 п. 1(i), поскольку они были не потому, что в отношении них имелось обоснованное подозрение и не для того, чтобы представить перед компетентным судебным органом.

50. Заявители подчеркивали, что их арест и задержание основывались на подозрении не в совершении ими конкретного правонарушения, а в участии в неких, не названных точно, террористических актах. Это

выходит за рамки уголовного права Северной Ирландии и не может рассматриваться в качестве “правонарушения” в смысле статьи 5 п. 1 (с).

Правительство не оспаривало того факта, что Закон 1984 г. не требует, чтобы арест был произведен по подозрению в конкретном правонарушении, однако утверждало, что определение терроризма в этом Законе совместимо с понятием правонарушения и отвечает в этом отношении требованиям п. 1 (с), что подтверждается практикой суда. Правительство в этой связи указало, что заявители фактически подозревались не в причастности к терроризму вообще, а в членстве в запрещенной организации и участии в конкретных актах терроризма, каждый из которых представлял правонарушение по закону Северной Ирландии и на каждый из которых было прямо указано заявителям в ходе допросов, проведенных вслед за их арестами.

51. Статья 14 Закона 1984 г. определяет терроризм как “применение насилия в политических целях”, что включает “применение насилия в целях устрашения населения или какой-то его части” (см. п. 31 выше). Такое же определение террористических актов, содержащееся в Предписании о задержании террористов (Северная Ирландия) 1972 г. и Законе о Северной Ирландии (чрезвычайные полномочия) 1973 г., уже признавалось Судом как “вполне отвечающее понятию правонарушения” (см. решение по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 74—75, п. 196).

Кроме того, все заявители были допрошены в течение нескольких часов после ареста по поводу подозреваемой причастности к конкретным правонарушениям и принадлежности к запрещенным организациям (см. п. 13, 16, 19 и 22 выше).

Таким образом, арест и последующее задержание заявителей были произведены по обоснованному подозрению в совершении преступления в смысле статьи 5 п. 1 (с).

52. Этот пункт предусматривает также, что цель ареста и задержания должна состоять в том, чтобы соответствующее лицо предстало перед компетентным судебным органом.

Правительство и Комиссия утверждали, что такое намерение существовало и что, если бы имеющие значение и достаточные доказательства были получены в ходе полицейского расследования, проведенного после ареста заявителей, им, несомненно, было бы предъявлено обвинение и они предстали бы перед судом.

Заявители не согласились с этими утверждениями и настаивали, что за время их нахождения под стражей им не было предъявлено обвинение и они не были доставлены в судебный орган. Согласно статье 12 Закона 1984 г., предъявление обвинения в связи с арестом не обязательно, и требование общего права о том, чтобы задержанный предстал перед судом, не распространяется на задержания, производимые по этому Закону (см. п. 30, 32 выше). Поэтому, как утверждают заявители, в данном случае имело место нечто вроде административного задержания с целью получения информации. То как на практике реализуются чрезвычайные полномочия подтверждает это.

53. Суд не должен рассматривать оспариваемые нормы права *in abstracto* и обязан ограничиться обстоятельствами слушаемого дела.

Тот факт, что заявителям не были предъявлены обвинения и они не предстали перед судом, необязательно означает, что лишение заявителе-

лей свободы не соответствовало статье 5 п. 1 (с). Как заявили Правительство и Комиссия, существование подобной цели следует рассматривать отдельно от ее достижения и что п. 1 (с) статьи 5 не предполагает, что следственные органы должны иметь доказательства, достаточные для предъявления обвинения либо в момент ареста, либо в период содержания под стражей.

Такие доказательства, возможно, нельзя было получить или же представить в суде, не подвергая опасности жизнь третьих лиц. Нет оснований считать, что полицейское расследование в данном случае проводилось недобросовестно и что задержание заявителей не имело целью продвинуть данное расследование, подтвердив или сняв конкретные подозрения, которые, как решил Суд, обосновывали их арест (см. п. 51 выше). Можно предположить, что если было бы возможно, полиция предъявила бы обвинения и заявители предстали бы перед компетентным судебным органом.

Поэтому следует считать, что оспариваемые арест и задержание преследовали цели, указанные в п. 1 (с).

54. Таким образом, статья 5 п. 1 не была нарушена.

IV. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 3

55. В соответствии с Законом 1984 г., лицо, арестованное на основании статьи 12 по обоснованному подозрению в причастности к террористическим актам, может быть подвергнуто задержанию полицией вначале на срок до 48 часов, а затем, с санкции Государственного секретаря по делам Северной Ирландии, еще на срок до пяти дней (см. п. 30—37 выше).

Заявители утверждали, что в результате ареста и задержания на основании данных норм они стали жертвами нарушения статьи 5 п. 3, которая предусматривает:

“Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) п. 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки в суд”.

Заявители отметили, что лицо, арестованное в соответствии с обычно применяемыми нормами права Северной Ирландии, должно предстать перед Магистратским судом в течение 48 часов (см. п. 32 выше) и что по общему праву Англии и Уэльса (Закон 1984 г. о полиции и доказательствах по уголовным делам) максимально возможный срок задержания без предъявления обвинения составляет четыре дня, причем разрешение судьи требуется по истечении 36 часов. Не было убедительных причин для продления срока задержания до семи дней, который представляет собой довольно существенное отклонение от обычного режима даже в сравнении с трехдневным сроком, допускаемым специальными полномочиями Закона о Северной Ирландии (чрезвычайные полномочия) 1978 г. (см. п. 33 выше). Ничем не оправдано и то, что принятие таких решений не было возложено на судебные органы Северной Ирландии.

56. Правительство обратило внимание на характер и масштабы угрозы терроризма и сложность получения доказательств, достаточных для

предъявления обвинения. Предусмотренный Законом максимальный семидневный срок задержания являлся необходимой частью усилий по борьбе с этой угрозой, что подтверждается рядом состоявшихся парламентских дебатов и изучением законодательства (см. п. 26—29 выше). В частности, силы безопасности столкнулись с трудностями при сборе допустимых и имеющих значение доказательств, поскольку лица, причастные к терроризму, обучены поведению на допросах. Требовалось также время для выполнения необходимых экспертиз, сопоставления информации, полученной от разных задержанных лиц, и для сношения с другими службами безопасности. Правительство утверждало, что необходимость продления срока задержания подтверждалась статистикой. Например, в 1987 г. в Северной Ирландии сроки задержания были продлены для 365 человек; в результате из 83 содержавшихся под стражей более пяти дней 39 были обвинены в тяжких террористических преступлениях.

Что касается утверждения, что продление срока задержания на период свыше 48 часов должно контролироваться судьей или даже осуществляться с его разрешения, то Правительство указало на трудности, с которыми может быть сопряжено представление в суд информации, служащей основанием для подозрения, ввиду ее высокой степени конфиденциальности. Пришлось бы проводить закрытое заседание суда, и, более того, нельзя было бы допускать на него ни задержанное лицо, ни его адвокатов, ни сообщать им каких-либо подробностей. Это означало бы существенный и нежелательный отход от права и процесса Соединенного Королевства, обеспечивающих лишенному свободы лицу возможностей быть представленным своими адвокатами во всех судебных инстанциях, имеющих отношение к его задержанию. Если наделить судей полномочиями на продление срока задержания, то они выполняли бы скорее административную, чем судебную функцию. Это ничего не добавило бы к существующим гарантиям против злоупотреблений и могло бы привести к обоснованной критике судебной власти. В этих условиях Государственный секретарь был более подходящей инстанцией для принятия таких решений; он лично внимательно знакомился с существом каждого запроса о продлении срока задержания, а во время его отсутствия это выполнял другой министр (см. п. 37 выше).

57. Комиссия в своем докладе сослалась на устоявшуюся судебную практику, согласно которой четырехдневный срок для случаев обычных уголовных правонарушений и пятидневный срок для исключительных случаев не противоречат требованию о незамедлительной доставке арестованного к судье в соответствии со статьей 5 п. 3 (см. решение о приемлемости по жалобе № 2894/66, *X против Нидерландов*, Yearbook of the Conention, v. 9, p. 568 (1966) и по жалобе № 4960/71, *X против Бельгии*, D.R., v. 42, p. 54—55 (1973) соответственно). По мнению Комиссии, учитывая обстоятельства ареста заявителей и особые проблемы, с которыми связано расследование террористических актов, некоторое продление срока задержания по сравнению с обычными случаями было оправданно. Комиссия сделала вывод, что сроки, составившие четыре дня и шесть часов (для г-на Макфадден) и четыре дня и одиннадцать часов (для г-на Трейси) удовлетворяли требованию о незамедлительности, тогда как сроки в пять дней и одиннадцать часов (для г-на Броугана) и шесть дней и шестнадцать с половиной часов (для г-на Койла) — нет.

58. Тот факт, что задержанному не предъявлено обвинение или он не предстал перед судом, сам по себе не представляет нарушения первой части статьи 5 п. 3. Можно предположить отсутствие нарушения статьи 5 п. 3, если арестованный освобожден “незамедлительно” до осуществления судом какого-либо контроля в отношении его задержания (см. решение по делу де Йонга, Балье и Ван ден Бринка от 22 мая 1984 г. Серия А, т. 77, с. 25, п. 52). Если арестованный не освобожден, “тотчас” он имеет право незамедлительно быть доставлен к судье или должностному лицу, осуществляющему судебные функции.

Оценка “незамедлительности” должна быть сделана в свете предмета и цели статьи 5 (см. п. 48 выше). Суд принимает во внимание важности этой статьи для Конвенции в целом: она говорит об одном из основных прав человека, а именно защите отдельной личности от произвольных посягательств государства на ее свободу (см. решение по делу Бозано от 18 декабря 1986 г. Серия А, т. 111, с. 23, п. 54). Судебный контроль за подобным вмешательством исполнительной власти является важным элементом гарантии, содержащейся в статье 5, п. 3, призванной свести к минимуму опасность произвола. Судебный контроль вытекает из принципа верховенства права — “одного из основных принципов демократического общества... на который указывается в Преамбуле Конвенции” (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу Класса Серия А, т. 28, с. 25—26, п. 55) и “из которого она исходит” (см., *mutatis mutandis*, решение по делу Энгель и другие от 8 июня 1976 г., Серия А, том 22, с. 28, п. 69).

59. Требование “незамедлительно”, выраженное в английском тексте словом “*promptly*” и во французском — “*aussitôt*”, заметно отличается от менее строгого требования в отношении разумного срока во второй части п. 3 (“*reasonable time*” / “*délai raisonnable*”) и даже от требования, выраженного словом “безотлагательно” в п. 4 статьи 5 (“*speedily*” / “*a bref délai*”). Термин “незамедлительно” (“*promptly*”) в английском тексте употреблен и в п. 2, где во французском варианте использованы слова “в кратчайший срок” (“*dans le plus court délai*”). Как указано в решении по делу *Ирландия против Соединенного Королевства* от 18 января 1978 г. Серия А, т. 25, с. 76, п. 199), “незамедлительно” (“*promptly*”) в п. 3 можно понять как имеющее более широкое значение, чем французское “*aussitôt*”, которое буквально означает “немедленно”. Имея, таким образом, два варианта нормоустанавливающего договора, в равной степени аутентичных, но не являющихся совершенно одинаковыми, Суд должен дать им толкование, которое сблизило бы их насколько это возможно, и было бы наиболее подходящим с точки зрения реализации и достижения целей Конвенции (см. *inter alia* решение по делу “Санди таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 30, п. 48; и статью 33 п. 4 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.).

Применение во французском тексте слова “*aussitôt*”, имеющего более узкое значение немедленности, подтверждает, что степень гибкости, которую можно применить к понятию “незамедлительность” при его определении по п. 3, ограничена, даже когда сопутствующие обстоятельства не могут быть проигнорированы. Хотя степень незамедлительности должна определяться с учетом особенности каждого случая (см. вышеупомянутое решение по делу де Йонга, Балье и Ван ден Бринка. Серия А, т. 77, с. 25, п. 52), значение, придаваемое этим особенностям,

не может достигать такой степени, когда подрывается суть гарантированного статьей 5 п. 3 права, т. е. когда фактически сводится на нет обязательство государства обеспечить незамедлительное освобождение или незамедлительное доставление в судебный орган.

60. Настоящее дело связано исключительно с арестом и задержанием лиц, подозреваемых в причастности к терроризму в Северной Ирландии на основании полномочий, предоставленных специальным законодательством. Требования обычно применяемых в Северной Ирландии норм относительно доставления обвиняемого к судье неприменимы к такому виду ареста и задержания, как это прямо выражено статьей 12 § 6 Закона 1984 г. (см. п. 30, 32 выше). В данной связи нет необходимости устанавливать соответствовал бы статье 5 п. 3 применительно к обычному уголовному делу срок, например четыре дня — полицейского или административного задержания и ареста.

Фактически никто из заявителей не был доставлен к судье или должностному лицу, выполнявшему судебные функции. Поэтому вопрос, который необходимо решить, состоит в том, можно ли считать освобождение каждого из заявителей, учитывая особенности, на которые указывает Правительство, “незамедлительным” в свете статьи 5 п. 3.

61. Расследование террористических преступлений, несомненно, ставит особые проблемы перед властями, и они отчасти были отмечены применительно к статье 5 п. 1 (см. п. 53 выше). Суд в полной мере принимает во внимание факторы, отмеченные в этой связи Правительством. Справедливо и то, что в Северной Ирландии направление полицией запросов о продлении сроков задержания Государственному секретарю и индивидуальное рассмотрение каждого такого запроса министром действительно являются формой контроля со стороны органов исполнительной власти (см. п. 37 выше). Кроме того, необходимость в продлении специальных полномочий постоянно контролировалась Парламентом, и их применение было предметом регулярных обзоров, которые готовились независимыми и известными личностями (см. п. 26—29 выше). Суд согласен, что положение с терроризмом в Северной Ирландии оправдывает, при условии существования надлежащих гарантий против злоупотреблений, продление срока, в течение которого власти могут, не нарушая статьи 5 п. 3, содержать под стражей подозреваемое в террористических преступлениях лицо до того, как его доставят к судье или к иному должностному лицу, выполняющему судебные функции. Трудности осуществления судебного контроля за решениями об аресте и задержании подозреваемых в терроризме лиц, на которые указало Правительство, могут повлиять на то, как выполняется статья 5 п. 3, требуя принятия процессуальных мер предосторожности ввиду характера подозреваемых правонарушений. Однако применительно к статье 5 п. 3 они не могут оправдать полный отказ от “незамедлительного” судебного контроля.

62. Как уже отмечалось (п. 59), пределы гибкости в толковании и применении понятия “незамедлительность” весьма ограничены. По мнению Суда, даже самый короткий срок задержания по данному делу, а именно четыре дня и шесть часов пребывания г-на Макфаддена под стражей в полиции (см. п. 18 выше), выходит за строгие временные рамки допускаемые первой частью статьи 5 п. 3. Придание особенностям данного дела такого значения, которое оправдывало бы столь продолжительный срок задержания без доставления к судье или к иному должностно-

му лицу, осуществляющему судебные функции, было бы слишком широким толкованием ясного значения слова “незамедлительно”. Подобное толкование существенно ослабило бы процессуальные гарантии статьи 5 п. 3 в ущерб отдельной личности и имело бы последствия, подрывающие саму суть права, защищаемого этой статьей. Таким образом, Суд должен сделать вывод, что ни один из заявителей не был ни доставлен “незамедлительно” в судебный орган, ни освобожден “незамедлительно” после ареста. Тот несомненный факт, что арест и задержание были вызваны законным стремлением защитить общество в целом от терроризма, сам по себе недостаточен, чтобы обеспечить уважение к требованиям, установленным статьей 5 п. 3.

Таким образом, в отношении всех четырех заявителей имело место нарушение статьи 5, п. 3.

V. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 4

63. Заявители утверждали, что эффективный контроль за законностью их задержания, требуемый статьей 5, п. 4, был невозможен, т.к. статья 5 не была инкорпорирована в право Соединенного Королевства. Статья 5 п. 4 предусматривает следующее:

“Каждый, кто лишен свободы путем ареста или задержания, имеет право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно”.

64. В данном деле заявителям была доступна возможность защиты своих прав на основании *habeas corpus*, однако они не воспользовались ею. Такая процедура обеспечила бы рассмотрение соответствия их ареста и задержания Закону 1984 г. и сложившимся принципам судебной практики (см. п. 39—40 выше). Комиссия считала выполненными требования статьи 5 п. 4, поскольку существующая в Северной Ирландии система контроля в свете Конвенции охватывала процессуальные и материально-правовые основания задержания заявителей. Правительство придерживается такой же мотивировки.

65. Согласно предыдущим решениям Суда, понятие “законности” в п. 4 имеет такое же значение как в п. 1 (см. прежде всего решение по делу Ашингдена от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 93, с. 23, п. 52); и вопрос о том, можно ли “арест” или “задержание” считать “законным”, должен решаться с точки зрения не только внутреннего права, но и текста Конвенции, ее общих принципов и той цели, которую преследуют ограничения, допускаемые статьей 5 п. 1 (см. прежде всего вышеупомянутое решение по делу Уикса. Серия А, т. 114, с. 28, п. 57). Согласно п. 4 статьи 5, арестованные и задержанные лица имеют право на проверку процессуальных и материально-правовых обстоятельств, которые имеют важное значение для “законности” лишения их свободы в том смысле, которого придерживается Конвенция. Это означает, что в данном деле заявители должны были иметь такую возможность, которая позволяла бы компетентному суду рассмотреть не только соответствие процессуальным требованиям, статье 12 Закона 1984 г., но и обоснованность подозрения, которое послужило причиной ареста, и правомерность цели, которая преследовалась арестом и последующим задержанием.

Как показывают соответствующие прецеденты, прежде всего решения по делам Ван Хоута и Линча (см. п. 40 выше), эти условия соблюдаются в работе судов Северной Ирландии применением такого средства судебной защиты как *habeas corpus*.

Таким образом, не было нарушения статьи 5 п. 4.

VI. О предполагаемом нарушении статьи 5 п. 5

66. Заявители утверждали также, что нарушена статья 5 п. 5 которая гласит:

“Каждый, кто стал жертвой ареста или задержания в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию”.

Иск о компенсации за незаконное лишение свободы возможен в Соединенном Королевстве при нарушении норм внутреннего права (см. п. 41 выше относительно неправомерного тюремного заключения). Поскольку статья 5 не является частью внутреннего права Соединенного Королевства, иск о компенсации за нарушение какого-либо положения статьи 5 не может быть предъявлен, если оно одновременно не является нарушением права Соединенного Королевства.

Правительство утверждало, *inter alia*, что цель п. 5 — гарантировать право на компенсацию жертве “незаконного” ареста или задержания. В этой связи оно также утверждало, что понятие “законный” применительно к различным пунктам статьи 5 должно толковаться как отсылающее по преимуществу к внутреннему праву и, кроме того, исключая любое произвола. Правительство пришло к выводу, что даже в случае установления нарушения какого-либо из первых четырех пунктов, нельзя говорить о нарушении п. 5, т. к. лишение свободы заявителей было законным по нормам Северной Ирландии и не было актом произвола.

67. Суд, как и Комиссия, считает, что такое ограничительное толкование не совместимо с формулировкой п. 5, в котором говорится об аресте или задержании “в нарушение положений настоящей статьи”.

В данном случае арест и задержание заявителей были законным согласно нормами внутреннего права, но в нарушение статьи 5 п. 3. Это нарушение и ранее, до настоящего решения и после того как оно вынесено не может быть основанием для подачи заявителями в национальный суд иска о взыскании компенсации. Данное обстоятельство не оспаривалось Правительством.

Таким образом, в этом случае также имело место нарушение п. 5 в отношении всех четырех заявителей. Данный вывод не предопределяет решения Суда по статье 50 относительно присуждения справедливого возмещения (см. решение по делу Неймастер от 7 мая 1974 г., Серия А, т. 17, с. 13, п. 30).

VII. О предполагаемом нарушении статьи 13

68. В жалобе, представленной Комиссии, заявители утверждали, что в Северной Ирландии у них не было эффективного средства судебной защиты в отношении своих прав по статье 5 и что в результате была нарушена также статья 13, которая предусматривает следующее:

“Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

В свете вывода об отсутствии нарушения статьи 5 п. 4 Суд не считает необходимым исследовать вопрос о соблюдении менее строгих требований статьи 13, к тому же заявители не ставили этот вопрос перед Судом (см. *inter alia* решение по делу Буамара от 29 февраля 1988 г. Серия А, т. 129, с. 25, п. 65).

VIII. Применение статьи 50

69. Статья 50 гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

70. Заявители, трое из которых при рассмотрении дел в Комиссии и Суде получили судебную помощь, не выдвинули требования о возмещении судебных издержек и расходов. Суд не должен рассматривать такой вопрос по собственной инициативе (см. вышеупомянутое решение по делу Буамара, с. 26, п. 68).

71. С другой стороны, заявители утверждали, что “поскольку нарушения были сознательными и очевидными, присуждение повышенных сумм ущерба... было бы показательным”. Этот ущерб мог бы быть исчислен исходя примерно из 2000 (двух тысяч) фунтов стерлингов за каждый час неправомерного задержания.

Правительство обратилось к Суду с просьбой отложить рассмотрение этого вопроса.

Учитывая обстоятельства дела, Суд считает, что вопрос о применении статьи 50 и возмещении причиненного ущерба пока не готов для решения. Поэтому необходимо отложить этот вопрос и определить последующее производство с учетом возможности соглашения между государством-ответчиком и заявителями (правила 53 п. 1 и 4 Регламента Суда).

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Постановил* шестнадцатью голосами против трех, что статья 5 п. 1 не была нарушена;

2. *Постановил* двенадцатью голосами против семи, что в отношении всех четырех заявителей была нарушена статья 5 п. 3;

3. *Постановил* единогласно, что статья 5 п. 4 не была нарушена;

4. *Постановил* тринадцатью голосами против шести, что в отношении всех четырех заявителей была нарушена статья 5 п. 5;

5. *Постановил* единогласно, что нет необходимости рассматривать настоящее дело по статье 13;

6. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 относительно возмещения понесенных судебных издержек и расходов не требует рассмотрения;

7. *Постановил* единогласно, что вопрос о применении статьи 50 в отношении возмещения причиненного вреда не готов для вынесения решения по нему, и,

соответственно,

(а) *отложил* рассмотрение данного вопроса в этом отношении;

(б) *предложил* Правительству представить в течение ближайших трех месяцев свои письменные замечания по этому вопросу и, в частности, известить Суд о достижении какого-либо соглашения между ним и заявителями;

(с) *отложил* дальнейшее производство и делегировал Председателю Суда право определить его срок, если в этом будет необходимость.

Совершено на английском и французском языках и оглашено на публичном заседании во Дворце прав человека в Страсбурге 29 ноября 1988 г.

Марк-Андре Эйссен
Грефье

Рольф РИССДАЛ
Председатель

В соответствии со статье 51 п. 2 Конвенции и статьей 52 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ ТОРА ВИЛЬЯМСОНА, БИНДШЕДЛЕР-РОБЕРТА, ГЁЛЬКЮКЛЮ, МАТШЕРА И ВАЛЬТИКОСА

1. Вопрос применения статьи 5 п. 3 в настоящем деле является сложным, так как возникает проблема толкования (которое фактически уже дано в предыдущих делах) и сталкиваются различные права и интересы. Мы не можем согласиться с мнением большинства членов Суда относительно того, каким образом он должен быть разрешен.

Что касается толкования, то, во-первых, ясно, что в нескольких предыдущих делах точка зрения и Суда, и Комиссии заключалась в том, что, хотя “каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию... незамедлительно [по-французски: *aussitôt* по-английски: *promptly*] доставляется к судье...” это не означает, учитывая английский термин и общий контекст, что это должно быть сделано немедленно и сразу же, а лишь как можно скорее с учетом места, времени и обстоятельств каждого дела. Здесь остается некоторая ограниченная возможность для прави-

тельств поступать по своему усмотрению при условии осуществления контроля со стороны учрежденных Конвенцией органов.

Вопрос состоит в том, какие пределы допустимы. Очевидно, что приемлемый срок не может быть одинаковым для всех дел, и было бы неестественно устанавливать один срок в конкретном цифровом выражении для всех случаев. Суд неоднократно отмечал, что невозможно выразить понятия разумного срока в конкретном количестве дней, недель и т.д. (см. решение по делу Стогмюллера от 10 ноября 1969 г. Серия А, т. 9). Таким образом, в каждом случае возникает проблема оценки, которая зависит от конкретных обстоятельств.

В предшествовавших делах, Комиссия придерживалась мнения, что при обычных уголовных преступлениях четырехдневный срок задержания был совместим с требованиями положений статьи 5 п. 3, и в одном особом случае, когда задержанное лицо пришлось поместить в больницу, пришла к выводу, что допустим пятидневный срок. С другой стороны, и Суд и Комиссия по ряду дел, касавшихся преимущественно Швеции и Нидерландов, признавали несовместимым с упомянутой статьей согласно которым срок содержания под стражей длительностью от семи до пятнадцати дней до того, как задержанное лицо доставлялось к судье или иному должностному лицу, осуществляющему судебные функции.

Обстоятельства данного дела таковы, что никто не станет отрицать их исключительность. Терроризм в Северной Ирландии достиг угрожающих размеров, и его жертвами стали более 2000 человек, погибших в результате действий подобного рода. Характер и организация террористических актов, страх, внушаемый ими, и окружающая их секретность затрудняют быстрое доставление задержанных в суд, если к тому же учесть действующие уголовно-процессуальные нормы, которые не предусматривают быстрого вмешательства следственного судьи. Наряду с этим, не может быть речи о согласии с такой длительностью задержания, которая нарушает права задержанных лиц и, в любом случае, запрещена статьей 5 п. 3 основополагающей нормой для защиты личной свободы.

Поэтому необходимо тщательно взвешивать, с одной стороны, права задержанных лиц, а с другой, права населения в целом, для которого действия террористов представляют серьезную угрозу.

В данном случае четыре заявителя были задержаны и не доставлены в судебные органы в течение сроков, варьирующихся от четырех дней и шести часов до шести дней и шестнадцати с половиной часов.

По нашему мнению, нельзя проводить различие между этими отдельными случаями, т. к. все они относятся к одной категории и различия между отдельными сроками несущественны.

Ввиду исключительности положения в Северной Ирландии, которое отмечалось выше, нам представляется, что в конечном счете разумно считать, что если четырехдневный срок допустим при нормальной обстановке, то таковы же и вышеуказанные сроки, ни один из которых не превышает недели. Такая точка зрения соответствует прецедентам и оправдана совершенно исключительными условиями в Северной Ирландии.

Поэтому, считая, что в данном деле нарушения статьи 5 п. 3 не было, мы особо подчеркиваем, что эта позиция защитима только тогда, когда в стране имеет место исключительная ситуация, и власти осуще-

ствляя тщательный контроль за обстановкой, должны тотчас же возвратиться к обычно применяемым нормам, как только ситуация нормализуется и даже до этого момента должны быть предприняты усилия для сокращения, насколько это возможно, срока, в течение которого задержанное лицо находится под стражей, прежде чем будет доставлено к судье.

2. Мы не можем также согласиться с мнением большинства членов Суда о том, что имело место нарушение статьи 5 п. 5. С одной стороны, поскольку мы придерживаемся взгляда, что нарушения статьи 5 п. 3 не было, вопрос о компенсации не встает. С другой стороны, определение точной сферы действия статьи 5 п. 5 и условий, при которых задержание, признанное неправомочным, может обосновать право на компенсацию, ставит сложные вопросы, и нам не представляется уместным обсуждать их в данном случае.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНЕЙРО-ФАРИНЫ

1. По моему мнению, имеет также место нарушение статьи 5, п. 1 по следующим причинам.

2. "...Суд подчеркнул жизненно важную роль международной юрисдикции и необходимость ограничительного толкования ограничения личной свободы, принимая во внимание исключительную важность гарантии этого права, которое является основополагающим для свободы и достоинства человека" (Луи-Эдмон Петтити, предисловие к книге *Vincent Berger "Jurisprudence de la Cour européenne des Droits de l'Homme"*).

3. Лицо, в отношении которого "имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения", может быть арестовано только "с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом" (см. решение по делу Лоулесса от 1 июля 1961 г. Серия А, т. 3, с. 51—52, п. 14). Заявители, однако, были задержаны с целью расследования, для того чтобы собрать доказательства, а не "с тем, чтобы они предстали перед компетентным судебным органом".

4. Доставка задержанных лиц в компетентный судебный орган требуется для осуществления контроля за законностью их задержания; должна быть дана оценка обоснованности подозрений полиции.

Я не считаю совместимыми с Конвенцией случаи, когда полиция задерживает лицо, обоснованно подозреваемое ею в причастности к выполнению или подготовке террористических действий или в подстрекательстве к ним, и при этом полиция не должна отчитываться перед судебной властью, чтобы подтвердить обоснованность своих подозрений.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ УОЛША И КАРИЛЬО САЛСЕДО В ОТНОШЕНИИ СТАТЬИ 5 П. 1 (С)

Мы считаем, что статья 5 Европейской Конвенции о защите прав человека не предоставляет государству какой-либо свободы усмотрения.

Если бы принцип свободы усмотрения был применен к статье 5, то это полностью изменило бы характер этой важнейшей статьи и поставило бы ее в зависимость от решения исполнительной власти.

Арест, произведенный согласно статье 12 Закона о предотвращении терроризма 1984 г. с поправками и изменениями, а также допускаемое им задержание не сопровождаются требованием предъявить в определенный момент обвинения арестованному лицу. Таким образом, подобный арест и задержание

“необязательно... являются первым шагом уголовного преследования подозреваемого лица по основаниям, предполагающим судебный контроль (см. решение лорда Лоури, упомянутое в п. 36 решения).

Все, что требуется, — это обоснованное подозрение со стороны производящих арест властей в том, что лицо, подвергаемое аресту, причастно или было причастно к

“террористическим актам, связанным с ситуацией в Северной Ирландии” (см. п. 30 решения Суда).

Даже если речь фактически не идет о таком правонарушении, как “терроризм” (определение которого дано в п. 31 решения), закон не требует, чтобы задержанное лицо было проинформировано об определенном уголовном преступлении, в котором оно может подозреваться, как не требует и того, чтобы предметом его допроса было такое подозреваемое преступление. В действительности его допрос может ограничиться действиями, в которых подозреваются другие лица. Чем дольше кто-то находится под стражей, тем вероятнее, что он в чем-то признается. По нашему мнению, статья 5 не допускает ареста и задержания в надежде, что что-то выявится в ходе допроса и даст основания для выдвижения обвинения.

На наш взгляд, аресты в данных случаях производились в целях допроса, когда не было доказательств, обосновывающих предъявление какого-либо обвинения. Такие доказательства так и не были получены, и в итоге задержанных пришлось освободить. Об использовании законодательства с такой целью в полной мере свидетельствует тот факт, что на основании его норм с 1974 г. 15173 человека были арестованы и задержаны в Соединенном Королевстве при этом менее 25% этих лиц, а именно 3342, были обвинены в уголовных преступлениях в результате полученных на допросах показаний, включая правонарушения, совершенно не связанные с первоначальным арестом и задержанием. Еще меньшая часть этих лиц была осуждена за деяния террористического характера.

Конвенция подтверждает презумпцию невиновности и таким образом провозглашает одно из основных прав человека, а именно право на защиту лица от произвольного вмешательства государства в его право на свободу. Обстоятельства ареста и задержания в рассматриваемых случаях не совместимы с этим правом и, соответственно, мы придерживаемся мнения, что статья 5 п. 1 была нарушена.

Тот несомненный факт, что арест и задержание заявителей преследовали правомерную цель защиты общества в целом от терроризма, по нашему мнению, недостаточен, чтобы обеспечить соответствие требованиям статьи 5 п. 1 (с). Чтобы обеспечить такое соответствие арест должен производиться с тем, чтобы задержанное лицо предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении какого-либо конкретного правонарушения. Конвенция не допускает аре-

ста для проведения допроса в надежде получить информацию, достаточную для обоснования обвинения.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЭРА ВИНСЕНТА ЭВАНСА

1. Я согласен с решением Суда, что в данном деле не было нарушения статьи 5 п. 1 или статьи 5 п. 4 и что нет также необходимости рассматривать это дело применительно к статье 13. Однако я не могу согласиться с большинством моих коллег относительно того, что имели место нарушения статьи 5 п. 3 и статьи 5 п. 5.

2. Применение статьи 5, п. 3 в настоящем деле зависит от значения, придаваемого слову “незамедлительно” в контексте требования о том, что “каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) п. 1 настоящей статьи, незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции”. Статья 12 Закона о предотвращении терроризма (временные полномочия) 1984 г. допускает задержание лица по обоснованному подозрению в причастности к террористическим действиям на срок до семи дней до его освобождения или доставления в суд, при условии получения санкции Государственного секретаря после сорока восьми часов. Вопрос состоит в том, было ли совместимо со статьей 5, п. 3 задержание заявителей на сроки, варьирующиеся от четырех дней шести часов, до шести дней шестнадцати с половиной часов без доставления в судебный орган, осуществленное в соответствии с положениями Закона 1984 г.

3. Суд уже в нескольких случаях признавал, что слово “незамедлительно” в контексте статьи 5 п. 3 не может означать “немедленно”. Так, в деле де Йонга, Балье и Ван ден Бринка Суд определил: “вопрос незамедлительности должен оцениваться в каждом случае в соответствии с его особенностями” (решение от 22 мая 1984 г. Серия А, т. 77, с. 25, п. 52). В этом деле Суд пришел к мнению, что “при данных обстоятельствах, даже принимая во внимание специфический характер военной жизни и военного правосудия, сроки продолжительностью шесть, семь и одиннадцать дней не могут рассматриваться как совместимые с требуемой “незамедлительностью” (там же). Такой вывод объяснялся тем, что по мнению Суда он при некоторой, но не безграничной, гибкости толкования термина “незамедлительно” в свете предмета и цели п. 3, был совместим обстоятельствами, при которых были задержаны соответствующие лица.

Комиссия, со своей стороны, в течение более двадцати лет придерживалась мнения, что в обычных случаях срок до четырех дней, в течение которых задержанное лицо не доставляется к судье, совместим с требованием незамедлительности и что несколько более продолжительный срок может быть оправдан при некоторых обстоятельствах. Суд до настоящего времени не подвергал сомнению взгляды Комиссии на этот

счет. Во всяком случае в решениях по делу де Йонга, Балье и Ван ден Бринка и другим делам Суд был склонен в подразумеваемой форме подтверждать их.

Кроме того, Суд постоянно признавал, что для проверки совместности своих законов и практики с требованиями Конвенции, государству должны быть даны “пределы усмотрения” и что всей Конвенции присуще стремление к справедливому равновесию между необходимостью обеспечения интересов общества в целом и защитой основных прав личности. В деле Класса Суд согласился с Комиссией, что “системе Конвенции внутренне присущ компромисс между требованиями защиты демократического общества и личных прав” (см. решение от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 28, п. 59).

Таким образом, уже выработанные взгляды, по моему мнению, представляют собой разумное толкование статьи 5 п. 3 и, в частности, наречия “незамедлительно”.

4. Необходимость оценки вопроса о незамедлительности в соответствии с особенностями каждого дела и обеспечения справедливого равновесия между различными правами и затрагиваемыми интересами — это соображения, которые, несомненно, уместны, учитывая специфику положения в Северной Ирландии, где за последние двадцать лет более тридцати тысяч человек были убиты, покалечены и ранены непосредственно в результате террористических действий. Применение Конвенции в данной ситуации требует обеспечения равновесия между, с одной стороны, интересами общества и обычных добропорядочных людей, женщин и детей, которые так часто становятся жертвами терроризма, и, с другой стороны, правами лиц, вызывающих небезосновательные подозрения в принадлежности или в поддержке запрещенной террористической организации или иной причастности к осуществлению, подготовке террористических действий или подстрекательстве к ним.

Особые обстоятельства, которые, по мнению Правительства, оправдывают исключительные полномочия при задержаниях по статье 12 Закона 1984 г., изложены в п. 56 настоящего решения Суда. Среди них трудности, с которыми сталкиваются в таких делах силы безопасности при сборе допустимых и имеющих значение доказательств, вследствие того, что террористы обучены приемам поведения на допросах; информация, на которой во многих таких делах основывается подозрение, особо конфиденциальна, что делает невозможным ее представление в Суде в присутствии задержанного лица или его адвоката; дополнительное время, необходимое для проверки доказательств, а также для контактов с другими силами безопасности. Необходимость предусмотренных статьей 12 исключительных полномочий подтверждается данными статистики, приведенными в том же пункте решения, например, о том, что в 1987 г. из 83 лиц, содержавшихся под стражей более пяти дней в порядке продления сроков задержания, 39 лицам были предъявлены обвинения в тяжких террористических преступлениях.

Виконт Колвилл в главе 12 своего “Доклада 1987 г. о действии Закона 1984 г.” признал, что нет технической причины, препятствующей тому, чтобы санкция на продление срока задержания свыше 48 часов давалась не государственным секретарем, а судьей Высокого Суда, но при этом он пришел к выводу, что это было бы неправильно. Он отметил, что судье пришлось бы принимать такие решения на закрытых

заседаниях в отсутствие представителя задержанного лица; это ничего не добавит к гарантиям гражданских свобод, но может привести к обоснованной критике судебной системы. Эти соображения в равной степени можно отнести и к 1984 г., когда заявители были взяты под стражу (см., например, подготовленный лордом Джеллико “Доклад 1983 г. о действии Закона о предотвращении терроризма (временные полномочия) 1976 г.”, п. 70). Я нахожу их убедительными и подтверждающими точку зрения о том, что соответствующие положения статьи 12 Закона 1984 г. действительно позволяют обеспечить справедливое равновесие между интересами общества и правами лиц, задержанных в соответствии с этим Законом.

Суд в п. 61 своего решения принимает во внимание и не оспаривает факторы, отмеченные Правительством. Он признает наличие особых проблем, которые возникают у государственных органов при расследовании террористических правонарушений. Суд также признает, что трудности осуществления судебного контроля за решениями об аресте и задержании подозреваемых в терроризме могут потребовать “надлежащих процессуальных мер предосторожности”. Большинство членов Суда тем не менее сочли необходимым истолковать слово “незамедлительно” таким образом, что несовместимым со статьей 5 п. 3 становится любой срок осуществляемого по статье 12 Закона 1984 г. задержания, превышающий четыре дня, который ранее рассматривались, по крайней мере Комиссией, как приемлемый срок в обычных случаях. Учитывая, что применение понятия незамедлительности в контексте статьи 5 п. 3 должно иметь некоторую степень гибкости, такое толкование, по моему мнению, является излишне ограничительным, оно не принимает во внимание в достаточной степени особые факторы, лежащие в основе статьи 12. Мой вывод состоит в том, что эти нормы оправданы необходимостью обеспечения в конкретных условиях справедливого равновесия и они не противоречат тому, что, по-видимому, и должно быть целью Конвенции — праву человека на защиту от бесчеловечности непрекращающегося терроризма в Северной Ирландии.

5. По этим причинам я не считаю, что предоставляемые статьей 12 Закона 1984 г. полномочия содержать под стражей задержанное лицо до семи дней без доставления его в судебный орган сами по себе противоречат статье 5 п. 3. Что касается применения этих полномочий в четырех случаях, рассматриваемых настоящим Судом, то нет причин сомневаться, что каждый из заявителей был обоснованно задержан в соответствии со статьей 12, и, соответственно, нарушения статьи 5 п. 3 по моему мнению, не было ни в одном из этих случаев.

6. Из вышеизложенного следует, что статья 5 п. 5, по моему мнению, также не была нарушена.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Полностью соглашаясь с выводами решения, я все же по поводу формулировки п. 48 отметил бы, что данное дело в действительности не столько поднимает вопрос о “защите демократических институтов”, сколько связано с проблемой гражданского сосуществования в обществе, разрываемом глубокими национальным и религиозным антагонизмом.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРТЕНСА**I. Предварительные замечания**

1. Я не могу согласиться с мнением большинства о том, что в данном деле Соединенное Королевство нарушило свои обязательства по статье 5 п. 3.

Я весьма сожалею по этому поводу, поскольку, будучи призван Судом лишь недавно, не склонен возражать такому большому числу моих более опытных коллег.

2. Я тем более сожалею, потому что, вообще говоря, по моему убеждению, авторитет Суда выше, когда право выражать особое мнение используется весьма сдержанно. Более того, в данном конкретном случае я в значительной степени разделяю мнение большинства. Я также считаю: (1) что данное дело не может рассматриваться без учета того, что оно связано с терроризмом (п. 48 решения Суда); (2) что допустимо принять во внимание этот фактор, хотя статья 15 Конвенции не применяется (там же); (3) что “судебный контроль за подобным вмешательством исполнительной власти является важным элементом гарантии, содержащейся в статье 5 п. 3” (п. 58 решения Суда).

Тот факт, что я тем не менее пришел к иному выводу, объясняется, я думаю, различиями во мнениях относительно, во-первых, значения, которое следует придавать терроризму или, точнее, той свободе, которую должны иметь правительства в борьбе с этой и другими бедами нашего времени, особенно когда речь идет о праве человека на свободу, и, во-вторых, относительно значения, которое следует придавать формулировкам Конвенции.

3. Как справедливо отмечает Суд в п. 48 своего решения, терроризм это фактор нашей жизни, который приобрел свой нынешний размах и активность уже после выработки Конвенции. Терроризм, особенно терроризм в масштабах, наблюдаемых в Северной Ирландии, является резким отрицанием тех принципов, которые провозглашает Конвенция, и поэтому с ним нужно бороться как можно решительнее. Представляется очевидным, что для подавления терроризма исполнительной власти требуются чрезвычайные полномочия, равно как представляется очевидным, что правительства в значительной степени должны быть свободны в выборе путей и средств, которые они могут счесть наиболее действенными в борьбе с терроризмом. Конечно, в борьбе с терроризмом государства — участники Конвенции должны уважать права и свободы, гарантированные ею каждому человеку. Я согласен с этим и осознаю опасность мер, принятие которых, как сформулировал Суд, может подорвать или даже уничтожить демократию в стремлении ее защитить (см. решение по делу Класа от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 23, п. 49). Однако я думаю, что эту опасность не следует преувеличивать, особенно в отношении государств, которые имеют давние и устойчивые демократические традиции; в свете этой опасности не следует чрезмерно ограничивать национальные органы власти, что пошло бы только на пользу тем, кто без колебаний растаптывает права и свободы других.

4. Само собой разумеется, что лицо, в отношении которого существует обоснованное подозрение в причастности к террористическим дей-

ствиям, не должно подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Но мне представляется оправданным спросить, разве не может оно быть подвергнуто задержанию, прежде чем будет доставлено к судье, на срок, несколько более длительный, чем это допустимо по общим нормам уголовного права? В этой связи я считаю, что Суд, отметив во второй части п. 58 своего решения, что статья 5 “провозглашает одно из основных прав человека”, несколько переоценивает значение этой нормы в системе Конвенции. Несомненно, что право на свободу и личную неприкосновенность является важным правом, но оно не принадлежит к тому небольшому ядру прав, никакое отступление от которых не допускается. Это означает, иначе говоря, что возможно соразмерить общий интерес в эффективной борьбе с терроризмом с индивидуальными интересами тех, кто арестован по обоснованному подозрению в причастности к террористическим действиям. Поиск справедливого равновесия между общим интересом общества в целом и интересами личности присущ, как Суд уже неоднократно указывал и указывает вновь в настоящем решении (п. 48), внутренне присущ системе Конвенции.

5. Однако Суд считает определяющим моментом то, что формулировка п. 3 статьи 5, особенно значение слова “незамедлительно”, не оставляет возможности для такого соизмерения интересов (см. п. 59—62 решения Суда). В пунктах 6—13 ниже я поясню, почему я не разделяю эту точку зрения. Здесь я хотел бы лишь вкратце указать на две причины, по которым считаю нежелательным придавать формулировкам Конвенции значение, исключающее применение принципа, который представляется основополагающим в этом контексте и, который, как это показывает сложившаяся практика Суда, присущ Конвенции в целом.

Первая причина состоит в том, что в тексте Конвенции нередко очевидные следы ее происхождения: нередко формулировки фундаментальных, но зачастую тонких вопросов права лучше подходят для мандата, чем для международного договора, предназначенного давать ответы в течение значительного времени и для большого числа различных правовых систем.

Вторая причина, по которой не следует придавать слишком большое значение формулировкам Конвенции, состоит в том, что Суд в своем толковании Конвенции, по моему убеждению, должен быть свободным в ее адаптации к изменяющимся социальным условиям и моральным взглядам. Для этого следует пойти дальше толкования отдельных формулировок.

II. Совместим ли семидневный срок, предусмотренный статьей 12 Закона 1984 г., с требованием незамедлительности?

6. Теперь я перехожу к тому, что, по моему мнению, является решающим вопросом, а именно, совместим ли семидневный срок, предусмотренный статьей 12 Закона 1984 г., со статьей 5 п. 3 и особенно с ее требованием “незамедлительности”.

7. Однако, поскольку мне впервые приходится излагать мнение по вопросам толкования Конвенции, я позволю себе небольшое отступление, которое может послужить как объяснением постановки мною вы-

шеприведенного вопроса, так и исходным пунктом последующих рассуждений.

Прежде чем говорить о толковании статьи 5 Конвенции, возможно, целесообразно начать с точного определения того, какие обязательства приняты на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по этой статье Конвенции.

Мне представляется несомненным, что эти обязательства двух видов:

(1) обеспечить соответствие своего национального права положениям этой статьи и

(2) обеспечить применение этого права в соответствии с данными положениями¹.

Я думаю, что то же самое применимо и к Конвенции в целом. На первый взгляд может показаться, что многие ее статьи, судя по их формулировкам, представляют собой унифицированные нормы общеправового характера, но, по размышлению, становится ясно, что хотя, возможно, они могут в исключительных случаях выполнять эту функцию, они прежде всего они являются директивами², которым должны следовать законодательные органы (прежде всего) при выработке ими законов, национальные органы исполнительной власти — в своих действиях и настоящий Суд — при оценке, соответствуют ли эти законы и эти действия стандартам Конвенции.

Я сознаю, конечно, и Суд неоднократно подчеркивал это, что при разбирательстве индивидуальных жалоб³ его задача, как правило, состоит не в определении *in abstracto*, соответствует ли Конвенции закон государства — участника по делу, а лишь в оценке того, нарушило ли применение этого закона к заявителю его право, установленное Конвенцией. Обоснованием этой доктрины, подтвержденной и в настоящем решении (п. 53), служат различия в формулировках статей 24 и 25, но мне представляется, что основной причиной является самоограничение судей.

Однако я думаю, что в тех случаях, когда обжалуемое заявителем действие во всех отношениях соответствует одному или нескольким определенным и точным нормам национального закона, тогда логики и поиск истины требуются, чтобы первым шагом в оценке того, является ли применение этого закона нарушением Конвенции, должно быть определение, соответствует ли Конвенции сам этот закон. Если ответ на последний вопрос будет утвердительным, то ответ на первый почти всегда будет отрицательным. Но если норма внутреннего права как таковая будет сочтена противоречащей Конвенции, то существует все же возможность, что ее применение *in concreto* не нарушает Конвенцию.

Примером для данного тезиса может служить настоящее дело. Если статья 12 Закона 1984 г. совместима со статьей 5 Конвенции, то тогда

¹ См. решение по делу Ирландия против Соединенного Королевства от 18 января 1978 г., Серия А, т. 25, с. 91, п. 239.

² См. решение от 23 июля 1968 г. по делу О языках в Бельгии Серия А, т. 6, с. 35, п. 10 *in fine*; решение по делу Хендисайд от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 22, п. 48; решение по делу “Санди Таймс” от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, с. 37—38, п. 61.

³ У этого есть исключения: см. решение по делу Класс от 6 сентября 1978 г. Серия А, т. 28, с. 17—18, п. 33. См. также решение по делу X и Y против Нидерландов от 26 марта 1985 г., Серия А, т. 91, в общем и особенно заголовок на с. 52, п. 124; решение по делу Леандер от 26 марта 1987 г., Серия А, т. 116, с. 30, п. 79.

произведенные аресты *in concreto* не нарушают положений последней. Но если Закон 1984 г. противоречит Конвенции, все еще существует возможность установить, что аресты (один или более) *in concreto* не нарушают статью 5.

8. Теперь, после объяснения, почему вопрос, поставленный в п. 6, имеет решающее значение, я перейду к ответу на него. Он, конечно, зависит от значения слова “незамедлительно”. Что же означает это слово в контексте статьи 5 п. 3?

Я считаю, что возможны два типа ответа на этот вопрос, в зависимости от намерения, как у настоящего Суда, ограничиться рассмотрением текста данной статьи, или готовности обратиться также к другим способам толкования.

9. Сначала рассмотрим текст. С первого взгляда формулировка п. 3, особенно его вариант на французском языке⁴, кажется, предполагает, что арестованное лицо должно быть доставлено к судье немедленно после ареста. Однако уже на этом этапе становится ясно, что нельзя ограничиться буквальным толкованием, т. к. норма становится явно невыполнимой. Поэтому необходимо предположить возможные исключения. Соответственно, эта правовая норма должна означать, что арестованное лицо должно быть незамедлительно доставлено к судье, за исключением случаев, когда конкретные обстоятельства дела делают это невозможным: если нет судьи в период ареста или если существуют другие причины, по которым невозможно немедленно доставить арестованное лицо к судье. Некоторая задержка допустима при условии, что ее длительность не превышает того, что абсолютно необходимо в условиях конкретных обстоятельств дела⁵.

10. Однако при дальнейшем рассмотрении кажется весьма маловероятным, что толкование, предложенное в предыдущем пункте, соответствует намерению разработчиков статьи 5 п. 3. Из сказанного мною выше в п. 7 следует, что они создавали критерий для оценки своих национальных законов или, точнее, норм, которые устанавливают срок, в течение которого лицо может быть задержано без доставления в суд.

Согласно Фосету⁶ в большинстве государств-участников Конвенции этот срок “редко превышает” два дня. Фосет никак не подтверждает свое заявление, но, дискуссии ради, допустим, что оно верно. Логично предположив, что авторы Конвенции, формулируя этот пункт, стремились выработать норму, соответствующую национальным нормам (какими они были на то время), нельзя не сделать вывод, что просто невозможно, чтобы “незамедлительно” имело тот довольно строгий смысл, на который указано выше в п. 5, потому что при таком толковании п. 3 внутренний закон почти каждой страны противоречил бы Конвенции с самого

⁴ Во французском варианте употреблено слова “aussitot”, которое предполагает, однако, “aussitot que possible” — как можно скорее. Таким образом, слово “незамедлительно” в п. 3 статьи 5, возможно, имеет несколько более широкое значение, чем то же слова в п. 2 статьи 5, где во французском варианте употреблено “dans le plus court delai” (в кратчайшие сроки).

⁵ Пример подобного рода обстоятельств, соответствующих такому толкованию, содержится в решении Комиссии от 19 июля 1972 г. (жалоба № 4960/71) (D.R. т. 42, с. 49): арестованное лицо пришлось поместить в больницу сразу после ареста и его можно было доставить к судье только после выздоровления.

⁶ См.: *Fawcett J.E.S.* The Application of the European Convention on Human Rights. P. 93.

начала! Это вновь ясно показывает, что нельзя ограничиваться буквальным толкованием этого текста.

На мой взгляд, эти соображения оправдывают вывод, что намерение участников Конвенции состояло в том, чтобы слово “незамедлительно” в контексте статьи 5 п. 3 имело “особый смысл”⁷ и понималось как (довольно) короткий срок, но тем не менее срок, возможно, длительностью в несколько дней, который должен быть установлен во внутреннем законодательстве Высоких Договаривающихся Сторон.

Согласно такому толкованию, “незамедлительно” означает, что национальный законодательный орган имеет определенную свободу усмотрения и может устанавливать срок, который он считает наиболее подходящим для конкретных условий соответствующей страны, хотя и под контролем в конечном счете со стороны органов Конвенции⁸.

Пределы этой свободы усмотрения зависят от точности вышеупомянутого утверждения Фосета: если определенно существует двухдневный европейский стандарт, то трехдневный срок, по-видимому, входит в эти пределы, но четыре дня, кажется, будут выходить за них. Я, однако, осмелюсь полагать, что это утверждение не верно, по крайней мере в отношении первых десятилетий существования Конвенции. Во-первых, если бы оно было верным, то Комиссия вряд ли пришла бы к мнению (как она это сделала в своем решении от 6 октября 1966 г., жалоба № 2894/66, Yearbook, v. 9, p. 565, что четырехдневный срок “совместим с общей тенденцией в других государствах — членах Совета Европы”. Во-вторых, Хьюлсман в своем докладе на Конгрессе по европейскому уголовному праву, состоявшемся в ноябре 1968 г., сказал: “В законодательстве большинства стран установлена максимальная продолжительность предварительного задержания, предшествующего судебному контролю”⁹, и она варьируется от двадцати четырех часов до семи дней!” Эти данные подтверждают вышеупомянутое решение Комиссии в октябре 1966 г. Поскольку нет утверждений, и тем более доказательств, что в Европе за истекший период сложился новый и более жесткий стандарт, я не могу согласиться с критикой этого решения Комиссии, которая подразумевается в п. 60 решения Суда (не говоря уже о том, оправдана ли с точки зрения юридической определенности такая внезапная критика решения, которое в течение многих лет было ведущим прецедентом по этому вопросу).

11. Два возможных толкования статьи 5 п. 3, рассмотренные выше в п. 9, 10, кажутся взаимоисключающими в том смысле, что если одно является правильным, то другое таким быть не может. Я считаю, однако, что из сказанного в п. 7 следует, что вопрос не настолько прост.

В толковании, предложенном в п. 10 (слово “незамедлительно” означает срок длительностью, возможно, в несколько дней, который должен быть установлен в нормах национального законодательства), соответствует функции данной статьи как директивы: поэтому, в принципе это пра-

⁷ См. статью 31 п. 4 Венской конвенции о праве международных договоров.

⁸ См. другие примеры (подразумеваемой) свободы усмотрения, выходящей за рамки статей 8, 9, 10, 11, 14 и 15: решение по делу Кьельсен, Буск Мадсен и Педерсен от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 23, с. 26, п. 53; решение по делу Колоца от 12 февраля 1985 г. Серия А, т. 89, с. 15—16, п. 30.

⁹ См. European Criminal Law, Brussels, 1970, p. 491; см. также L.E. Teitelbaum, *Revue des Droits de l'Homme*, vol. V (1972), p. 433 et seq.).

вильное толкование. Однако толкование, изложенное в п. 9, может иметь некоторое значение, когда необходимо рассмотреть вопрос о том, явилось ли применение национальной нормы *in concreto* нарушением Конвенции, после того как установлено, что национальная норма соответствует Конвенции. В этом случае решающее значение может иметь вопрос о том, оправдывают ли конкретные обстоятельства дела, чтобы задержанное лицо было доставлено к судье после того как истек максимальный срок, установленный этой нормой.

Я считаю, что этот довод подтверждается позицией Комиссии и объясняет заметное различие между ее решением 1972 г. и решением в октябре 1966 г., отмеченным выше в п. 10: в первом из них Комиссия уделила внимание только рассматриваемой конкретной жалобе, тогда как в последнем — первостепенное значение имел вопрос о том, соответствуют ли законы Нидерландов статье 5, п. 3.

Поскольку здесь предметом моего внимания являются прежде всего вопросы второго вида, интересно отметить, что Комиссия в своем решении 1966 г., несомненно, придерживалась толкования, изложенного выше в п. 10:

“Принимая во внимание... Комиссия считает, что государствам-участникам предоставлены определенные пределы усмотрения при толковании и применении требований в отношении незамедлительности, установленных в статье 5 п. 3”.

Насколько мне удалось установить, Суд никогда четко не выражал своего мнения по поводу данного толкования. Однако интересно отметить, что в своем решении по делу де Йонга, Балье и Ван ден Бринка от 22 мая 1984 г. Серия А, т. 77, с. 25, п. 52, Суд принял во внимание не только конкретные обстоятельства каждого дела (что логично, если Суд придерживался мнения, изложенного в п. 9 выше), но и отметил “специфику военной жизни и правосудия”. Это, кажется, указывает на то, что Суд в то время также разделял мнение, изложенное выше в п. 10.

Из настоящего судебного решения следует, что сейчас Суд отказывается от такого толкования, но исходя из вышеизложенных соображений я полагаю, что Суд, ограничившись тем, что подчеркнул, что в лингвистическом плане “степень гибкости, которую можно применить к понятию “незамедлительность” ограничена”, не мотивировал достаточным образом этот отказ.

12. Теперь, после вывода о том, что применительно к п. 3 статьи 5 государства — участники Конвенции имеют определенную свободу усмотрения, я перехожу к вопросу о том, были ли превышены ее пределы законодательными органами Соединенного Королевства, когда был принят Закон 1984 г. (статья 12).

Если эта норма была бы обычно применяемой нормой уголовного права, то вопрос вообще бы не стоял: после вышеупомянутого решения Суда по делу де Йонга, Балье и Ван ден Бринка (с. 25, п. 53) следует считать установленным, что норма общего уголовного права, допускающая срок задержания в семь дней без доставления задержанного лица в суд, нарушает статью 5 п. 3.

Мы, однако, имеем дело не с обычно применяемыми нормами уголовного права Соединенного Королевства, а, как уже подчеркнуто выше в п. 3, с особой нормой особого Закона, направленного против террориз-

ма. Согласно позиции Правительства Соединенного Королевства, при ответе на вопрос, были или нет превышены пределы усмотрения применительно к статье 5, следует не только принять во внимание особый характер этого Закона, но и придать ему особое значение.

Как уже отмечалось выше в п. 2—4, я считаю, что первое из этих утверждений правильное: по моему мнению, вполне совместимо с системой Конвенции, что государство руководствуясь необходимостью борьбы с терроризмом устанавливают более длительный, по сравнению с приемлемым при обычных обстоятельствах срока в течение которого лицо, арестованное по обоснованному подозрению в причастности к террористическим действиям, может быть задержано без доставления к судье.

Это подводит меня к решающему вопросу о том, можно ли с учетом позиции Правительства Соединенного Королевства, считающего, что особые полномочия, предусмотренные статьей 12 Закона 1984 г., необходимы в целях борьбы с терроризмом, допустить в данной ситуации семидневный срок негативно оценен в контексте общего уголовного права как несовместимый с требованием незамедлительности.

По моему убеждению, здесь должен быть применен принцип, который был разработан Судом в отношении требований нравственности¹⁰). Установление справедливого равновесия между интересами общества, страдающего от терроризма, и интересами отдельной личности является особенно трудным, и национальные органы власти, которые в силу большого и трудного опыта значительно лучше разбираются в том, что требуется для эффективной борьбы с терроризмом и защиты своих граждан, чем международный судья, составляющий свое мнение на основе сообщений прессы; национальные власти в этой связи, в принципе, находятся в лучшем положении, чем международный судья!

В этой связи мне представляются важными три фактора:

(i) Первым фактором является особый размах, активность и неослабевающий характер терроризма, бушующего в Северной Ирландии, где проживает 1,5 млн. человек. В своем обращении к Суду Генеральный солиситор сказал, что с 1969 г. погибли непосредственно в результате действий террористов 2646 человек и 30 658 были покалечены и ранены. По его словам, имело место 43 649 инцидентов с применением бомб и стрельбы. Эти данные не были опровергнуты.

(ii) Второй фактор — это то, что мы, несомненно, имеем дело с обществом, издавна демократическим и полностью осознающим как значение права человека на свободу, так и опасности, которыми чревато наделение исполнительной власти слишком широкими полномочиями по задержанию¹¹.

(iii) Третий фактор заключается в том, что законодательный орган Соединенного Королевства, явно сознавая эти опасности, каждый раз предоставлял чрезвычайные полномочия только на ограниченный период, т.е. на год, и только после проведения должного изучения вопроса о необходимости сохранения этого закона, причем лица, которым это было доверено, — как утверждало Правительство и никто из заявителей не

¹⁰ См. решение по делу Хендисайд от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, с. 22, п. 48.

¹¹ См. *mutatis mutandis* вышеупомянутое решение по делу *Класс и другие*. Серия А, т. 28, с. 27, п. 59.

возражал, были независимыми и обладали необходимой профессиональной квалификацией¹². Неоднократно эти лица и британский парламент приходили к выводу, что соответствующая статья не может быть отменена.

По моему мнению, в силу этих трех факторов весьма желательно, чтобы международный судья занимал сдержанную позицию.

На основании вышеизложенного я считаю, что Суд мог бы решить, что Соединенное Королевство, введя в действие статью 12 Закона 1984 г. и обеспечивая ее исполнение вышло за пределы усмотрения, на которые имеет право по статье 5 п. 3, только установить, что аргументы в пользу сохранения семидневного срока полностью не убедительны и их нельзя обоснованно отстаивать. По моему мнению, это условие не было выполнено.

Конечно, как видно из письменных комментариев Постоянной консультативной комиссии по правам человека, можно обсуждать, должен ли максимальный срок задержания по антитеррористическому законодательству быть семь дней или пять (как предлагает эта комиссия), и настаивать, что судебный контроль осуществим. Ознакомившись с аргументами обеих сторон, я даже готов сказать, особенно в отношении последнего пункта, что аргументы в пользу судебного контроля, возможно, несколько сильнее, чем аргументы против¹³. Но, по моему мнению, это вопросы, по которым здравомыслящие люди могут придерживаться различных взглядов. Это означает, что Суд должен уважать выбор Правительства Соединенного Королевства и соответственно подтвердить, что оно не превысило пределы своего усмотрения.

Следует учитывать и другие факторы.

Правительство Соединенного Королевства отметило, что семидневный срок является максимальным¹⁴ и что ведомство Государственного секретаря следит за тем, чтобы в каждом конкретном случае срок задержания был как можно короче. Это утверждение не встретило серьезных возражений, и настоящее дело, во всяком случае, свидетельствует, что оно по крайней мере правдоподобно.

¹² См. решение Суда п. 27—29 выше.

¹³ Не могу отметить, что, по моему мнению, Суд в п. 61 своего решения недооценил аргументы Правительства. Они были следующими: (1) в целях защиты осведомителей (защита, которая совершенно необходима, потому что эффективность расследования зависит от готовности информировать) необходимо как можно дольше держать в секрете важные данные, на которых основывается подозрение; (2) предоставление этой информации только судье несовместимо с фундаментальными понятиями, существующими в Англии, о роли судьи; (3) сопоставление недостатков семидневного срока задержания арестованных по обоснованному подозрению в причастности к терроризму с неблагоприятными последствиями для общего авторитета судебной власти, которые могут быть вызваны введением системы, где правосудие отправляется на основе сокрытия информации от одной из сторон, правительство решило, что первое представляет собой меньшее зло. Я считаю, что слишком просто отвергать эти аргументы, указывая лишь на то, что “надлежащие процессуальные меры предосторожности ввиду характера подозреваемых правонарушений” были бы возможны, и давая понять, что такие “процессуальные меры правонарушений” были бы возможны, и давая понять, что такие “процессуальные меры предосторожности” были бы совместимы с гарантиями, подразумеваемыми словами “судье или иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции” в п. 3 статьи 5!

¹⁴ Меморандум Правительства, п. 1.9 и 1.12.

Правительство, кроме того, утверждало, что, как правило, в течение сорока восьми часов извещается семья арестованного¹⁵ и что он может обратиться к адвокату после сорока восьми часов и имеет право это делать в последующем с интервалом сорок восемь часов¹⁶. Эти утверждения также не встретили возражений. Не отрицалось также и то, что арестованное лицо, испрашивая судебный приказ *habeas corpus*, может обеспечить рассмотрение в суде вопроса о законности его ареста, т.е. соблюдены ли требования статьи 12 Закона 1984 г.¹⁷

По моему мнению, это представляет собой важные гарантии против возможного злоупотребления полномочиями по задержанию на основании статьи 12 Закона 1984 г.¹⁸

Принимая во внимание все эти факторы и помня, что в обычных уголовных делах четырехдневный срок по-прежнему должен рассматриваться как приемлемый, я считаю, что нельзя сказать, что Закон 1984 г. не совместим со статьей 5 п. 3 Конвенции.

13. Вывод, сделанный мною выше, освобождает меня от рассмотрения вопроса о том, явилось ли применение Закона 1984 г. *in concreto* нарушением статьи 5 п. 3: задержание, по поводу которого заявители представили жалобы, длилось менее семи дней и поэтому не может считаться нарушением, если верен мой вывод о том, что семидневный срок не противоречит Конвенции.

¹⁵ Меморандум Правительства, п. 1.19.

¹⁶ Меморандум Правительства, п. 1.19 и 2.41. см. также п. 2.47, где подчеркивается, что заявители по данному делу встречались со своим солиситором (см. также п. 11—12 решения Суда).

¹⁷ См. решение Суда, п. 39 и 40. Сам факт того, что это средство судебной защиты не было использовано и представляется существенным; существенно то, что оно доступно лицам, задержанным согласно статье 12 закона 1984 г., и что из ответов правительства следует, что из тринадцати заявлений три привели к освобождению судом и в четырех случаях задержанные были освобождены полицией до начала разбирательства в суде.

¹⁸ В п. 4 своих ответов на вопросы Суда правительство приводит и другие гарантии; я не вижу необходимости их рассматривать, поскольку считаю, что рассмотренные являются наиболее важными для данного случая.